

УДК 159.9:614.8

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКОЙ РАБОТЫ В ОПЧС

Кремень М.А., Герасимчик А.П., Богданович А.Б., Сергеев В.Н., Новицкий В.В.

Статья посвящена психологическим аспектам деятельности МЧС в сфере пропаганды безопасной жизнедеятельности.

Заявленная проблематика рассматривалась с опорой на системный подход, совокупность общелогических методов, методов семантического и дискурс-анализа, инструментария психолингвистики.

На основании систематизации методической базы взаимодействия органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям (далее ОПЧС) со средствами массовой информации (далее СМИ) и населением установлены основные каналы такого взаимодействия и концептуальные подходы к ним. Разработан инструментарий анализа социальной активности в сфере предотвращения и борьбы со стихийными бедствиями, определены количественные и качественные характеристики такой активности.

Результаты исследования могут быть использованы: при разработке и оптимизации методов информационно-пропагандистской работы в сфере национальной безопасности; при подготовке фундаментальных, обобщающих и учебных работ по психологическим аспектам безопасности личности; при организации научных исследований в сфере психологии труда, а также психологии массовых коммуникаций.

Ключевые слова: информационно-пропагандистская работа, психология безопасности, эффекты информационного воздействия, обеспечение безопасности трудовой деятельности.

(Поступила в редакцию 24 февраля 2016 г.)

Введение. Средства массовой информации (СМИ) в условиях кризисов и катастроф выступают, прежде всего, в качестве важного фактора социального управления, что обуславливает необходимость как понимания, так и знания компенсаторных (возместительных) ресурсов СМИ. Под компенсаторным ресурсом понимается свойство СМИ оказывать положительное воздействие на психоэмоциональное и физическое состояние людей, попавших в зону чрезвычайной ситуации [2], [4].

Благодаря СМИ любое стихийное бедствие получает информационно-коммуникативный резонанс, который либо усиливает катастрофичность последствий, либо помогает уберечься от дезадаптации, психогенных расстройств и негативных психологических последствий в отдаленный период, т. е. осуществляет своего рода психотерапию социальной сферы [8].

Вместе с тем, чрезвычайные ситуации в журналистском дискурсе представляются нередко в качестве событий, предназначенных для размещения в рубрике «Происшествия». Привлечение внимания, акцент на негативное смысловое наполнение, экстраординарность происшествия (крупные аварии либо стихийные бедствия) либо, напротив, его повторяемость в череде подобных, – все это в той или иной мере способствует определенной катастрофизации общественного сознания.

Информация о крупных стихийных бедствиях и техногенных катастрофах, как правило, формирует повестку дня, доминирует над освещением остальных событий повседневной жизни, что выражается в росте объемов сведений о них в информационном пространстве, а также нарастании количества недостаточно взвешенных оценок. Избыточное присутствие такого рода информации формирует эффект привыкания массового сознания к катастрофам, их неизбежности, что в итоге ведет к пассивному, отстраненному поведению людей даже при таких чрезвычайных ситуациях, как пожар, наводнение и т. п. В результате в обществе отсутствует адекватное восприятие безопасного поведения в чрезвычайных ситуациях.

Информационно-психологическое воздействие СМИ в условиях чрезвычайных ситуаций: негативные эффекты. Неким образцом, по многим параметрам пригодным и для анализа информационной картины стихийных бедствий, являются социально-психологические последствия аварии на Чернобыльской АЭС, систематизированные И.Н. Елисеевой, Ю.С. Шойгу, Т.А. Марченко [10, с. 33] Т.Б. Мельницкой [14] и др. Указан-

ные авторы отмечают, что помимо общей дезадаптации и дистресса, психопатогенных состояний личности в этиологии можно выделить также развитие сверхценного отношения к образу чрезвычайной ситуации, а также экстернальность локуса контроля (тенденция к уходу от ответственности за себя).

Первая из указанных особенностей ставит эмоциональное состояние таких людей (в сфере представлений о собственной безопасности) в прямую и опасную зависимость от содержания и тональности информационного контента, транслируемого СМИ. Экстернальность локуса контроля подразумевает, с одной стороны, тенденцию к манифестации беспомощности, пассивности и «жертвенности» в вопросах обеспечения собственной безопасности, а с другой – завышенные, но не конкретизированные ожидания по вопросам гарантий безопасности в отношении уполномоченных структур. Идея о том, что подобное отношение (количественно менее выраженное) характерно и для населения, не относящегося к категории пострадавших от чернобыльской катастрофы, использовалась в качестве рабочей гипотезы исследования. Основанием для подобного заключения послужили данные о специфике психотравмирующего воздействия природных катастроф, феноменологически сопоставимые с последствиями крупнейших техногенных аварий [16].

Если рассмотреть публикации в печатных СМИ (и их электронных версиях) по вопросам чрезвычайных ситуаций («до», «во время», «после» ЧС) с позиций медиавоздействия, можно выделить две большие группы, наиболее количественно представленные и, соответственно, обладающие наибольшим эффектом:

1. Группа информационных сообщений (в форме заметок и отчетов) о последствиях и ходе ликвидации стихийных бедствий. В подавляющем большинстве случаев подобные сообщения практически полностью повторяют содержание сводок МЧС. Вопросы интерпретации, оценки по степени значимости, эмоциональная окраска в данном случае отдаются на откуп читателю. Дополнительную «объективацию» подобных сообщений обеспечивает строгость, с которой работникам, взаимодействующим с медиасредой, предписано оперировать специальными понятиями. Скрупулезность в употреблении терминологии призвана обеспечить точность передаваемой информации, ее безоценочность. Обратной стороной подобного положения дел является сухость информационных сообщений, их «канцелярский», бюрократизированный окрас, формирующий психологическую дистанцию между специалистом и целевой аудиторией. В результате применения «языка сводок» нарушаются некоторые законы построения массмедийного контента, что вынуждает некоторые издания искать способы «окрасить» информацию. Привлечение внимания к подобным публикациям может осуществляться за счет авторского заголовка и лида.

2. Группа сообщений с выраженной эмоциональной окраской (журналистский вклад) и инкорпорированием событийного контекста (например, описание произошедшего глазами очевидцев). Материалы подобного рода зачастую подчинены законам журналистского жанра (эксклюзивность, эмоциональность и т. п.), благодаря чему производится целый ряд неконтролируемых специалистами в области пропаганды психологических эффектов (с указанием источника):

«Гиперобъективация» – в основе данного механизма лежит некоторая гиперболизация объективности, независимости от субъекта природной стихии, которая развивается по имманентным законам. Чрезвычайные ситуации природного характера трактуются через призму концепта «случай», постулируя неизбежность и неконтролируемость происходящего (это все «происходит само»). В итоге в значительном большинстве за рамками таких публикаций остаются профилактические и превентивные меры, предпринятые МЧС за некоторое время до описанного происшествия (штормовые предупреждения, телеинтервью, публикации в этих же изданиях и т. п.), чем снижается эффект обучения «извлечения уроков». Речевые маркеры, обслуживающие подобное представление данных, присутствуют и в заголовках, и в основном тексте: «Вінаваты наравірус?» («Ляхавіцкі веснік» от 14.01.2012), «Молниями и шквальным ветром прощается май с Брестчиной» («Брестская газета» № 22 от 31.05.2013), «Оранжевое воскресенье», «Непогода наломала дров», «Выкорчевала деревья» («Гомельские ведомости» № 68 от 16.06.2015), «Пополнилась копилка осадков», «За атмосферным фронтом» («Рэспубліка» № 17 от 29.01.2008), «Вецер, вецер – ты магутны» («Голас часу» от 30.07.2014), «В среду в Минске падали деревья» («Вечерний Минск» от 28.07.2010) и др.

Катастрофизация последствий – склонность акцентировать внимание на негативных последствиях произошедшего. В основе данного механизма лежит репрезентация при-

родной стихии как «обрушивающейся», инвазивной силы и манифестация жертвенности и беспомощности населения, особенно пострадавших: «Огонь сметал все на своем пути», «Огонь поглотил нежилую застройку», «Палящее солнце» («Гомельская праўда», № 129 от 19.08.2008), «Нарабіла стыхія шкоды» («Хойніцкія навіны» от 21.08.2010), «В огородах смыло грядки», «Об урагане еще напоминают сваленные деревья. Их количество не просто подсчитать...», «Пронесся ураган» («Слоні́мскі веснік» от 01.05.2013), «Деревья били по авто, а гроза обесточила граждан» («Вечерний Минск» от 18.08.2010), «Жертвы домашней колбасы продолжают болеть» («Вечерний Гродно», № 47 от 19.11.2014) и др.

«Персонализация» и, как следствие, «гиперэмпатия» – «творческое» описание происходящего от лица пострадавших либо имитация эмоционального состояния читателя (он мог бы испытывать это, если бы был там). Возникающий таким образом «эффект участия» имеет негативную окраску: «Стихия. Тихий ужас», «...подумали о конце света», «...раздвоило дом», «...раскучило автомобиль» («Гродзенская праўда» № 93 от 11.08.2010), «Лета «дастала» жыхароў невыноснай спякотай» («Хойніцкія навіны» от 21.08.2010), «Осторожно – бешенство» («Узвышша» от 23.01.2012) и др.

Нарастание критической массы подобных публикаций, в конечном итоге, может спровоцировать рост дезадаптации общества, алармизм мировосприятия, активное мифотворчество [12] и иные негативные эффекты, порожденные дистрессом [15].

Анализ использования радио и телевидения демонстрирует, что в экстенсивном ключе усилия уполномоченных служб МЧС находятся на достаточном уровне и имеют тенденцию к росту. Выявлены и негативные эффекты, основная масса которых сконцентрирована вокруг проблемы обеспечения обратной связи. Отсутствие механизмов учета, контроля и стимулирования обратной связи приводят к нивелированию медиавоздействия. Кроме того, уполномоченные службы МЧС можно рассматривать и как один из элементов, находящихся «внутри» треугольника «ОПЧС (органы и подразделения по чрезвычайным ситуациям) – СМИ – население». Это подразумевает и обратное влияние на пропагандистский сектор со стороны целевых групп населения: отсутствие контроля обратной связи приводит к количественному росту мероприятий без качественного осмысления результатов, а само взаимодействие начинает трактоваться «аутистически» (проведение мероприятий означает снятие с себя ответственности за последствия, они проводятся потому, что «стоят в плане»).

Наличие обязательного «посредника» в виде редакций СМИ существенно затрудняет прямой контакт с целевыми группами. МЧС незаменим в качестве источника «финальной» и объективной информации о стихийных бедствиях. Однако в тех случаях, когда требуется «упаковка языка сводок» в приемлемый для восприятия широкими слоями вид, может возникнуть ряд негативных эффектов. Нейтрализовать подобное воздействие в данный момент возможно, главным образом, противопоставляя себя СМИ, в некотором смысле подменяя их (МЧС – источник официальной информации, остальное – домыслы).

К проблеме обеспечения компенсаторного воздействия СМИ. СМИ традиционно воспринимаются как важнейший «генератор» общественного мнения, предоставляющий для него информационное «сырье», смысловые рамки для интерпретации событий и т. п. Отсутствие же достоверной информации приводит к тому, что общественные представления утрачивают критичность, слухоустойчивость, и, наоборот, приобретают «черно-белый» характер, порождающий «импульсивность» и неконструктивность массового поведения.

О.В. Бервенковой [4] был проведен экспертный опрос, цель которого заключалась в оценке места, роли, значения и возможности СМИ в условиях ЧС. Предполагалось также выявить особенности функционирования СМИ во время и после ЧС, ранжировать по степени значимости их функции в обозначенных условиях. Состав экспертной группы позволил расценивать полученную информацию как репрезентативную. Прежде чем ответить на основные вопросы по проблеме, экспертам предлагалось определиться, имеет ли вообще смысл говорить сегодня о катастрофичности мира, с тем чтобы определить общий уровень стрессированности общества.

На вопрос: «Способствует ли содержание СМИ преодолению последствий кризисных ситуаций для массового сознания» 51 % респондентов ответили отрицательно, 10 % сочли, что СМИ усугубляют таковые, и лишь 5 % видят позитивную роль СМИ. 31 % высказались в пользу СМИ, но с оговоркой, что СМИ недостаточно используют свой потенциал.

Не меньший научный и практический интерес представляет мнение экспертов по поводу роли СМИ в противодействии кризисным ситуациям. Так, 61 % видят эту роль в

просветительском характере содержания СМИ, 27 % считают, что они должны вести профилактическую работу с населением, 21 % высказались за повышение качества информации, 19 % уверены, что СМИ должны иметь гражданскую позицию, 18 % видят роль СМИ в определенной медиатерапии общества.

СМИ обладают значительными компенсаторными ресурсами, способными в определенной степени возмещать психологический дискомфорт пострадавших, влиять на их социально-психологическое состояние. Фактически в случае чрезвычайных ситуаций «журналистские» законы формирования повестки могут нести в себе патологический заряд (оперативность в ущерб достоверности, акцент на эксклюзив и сенсационность и т. п.). Для полноценной реализации компенсаторной функции СМИ данные законы должны неким образом нивелироваться. С другой стороны, информационный и «терапевтический» потенциал СМИ может и должен быть максимально задействован. Функция управления информационно-психологическим воздействием как раз и заключается в прогнозе и купировании негативных и культивировании позитивных эффектов медиавоздействия.

Избежать негативных социально-психологических последствий лучше всего удастся тогда, когда управление информационными потоками в чрезвычайных ситуациях берут на себя «внешние» (по отношению к массмедиа) структуры, избавленные от «журналистской» тяги к сенсациям. В нашем случае речь идет об уполномоченных службах МЧС, которым нормативно предписано максимально использовать возможности традиционных и современных медиа для организации требуемого воздействия на общество во все периоды чрезвычайных ситуаций («до», «во время», «после»). Подобное управленческое воздействие имеет свою специфику: невозможность прямого управления медиаресурсами, использование их как посредников (со своими мотивами и интересами), организация воздействия на население по максимально возможному числу каналов и т.п. [11]. Выражаясь фигурально, глобальной целью воздействия является обучение населения навыкам безопасности и формирование мировоззренческих установок.

Информационно-психологическое взаимодействие ОПЧС со СМИ и населением: аналитический инструментарий. Деятельность МЧС, связанная с распространением противопожарных идей зачастую обслуживается такими категориями как «противопожарная пропаганда» и «агитация». Следует подчеркнуть, что окончательного нормативного дефинирования указанных понятий на данный момент не проведено, и ОПЧС руководствуются скорее общими определениями указанных феноменов.

В словаре Ожегова пропаганда определяется как «распространение в обществе и разъяснение каких-нибудь воззрений, идей, знаний, учения». Такое понимание феномена является весьма популярным и в общем виде отражает суть пропагандистской деятельности независимо от сферы использования.

Указанный термин как правило дополняется понятием «агитация». Последняя трактуется как воздействие в определенном направлении на мировоззрение, политические убеждения и общественную активность народных масс.

В контексте деятельности ОПЧС указанные дефиниции конкретизируются перечислением тех мероприятий, которые подпадают под категорию «противопожарная пропаганда» (распространение пожарно-технических знаний). В частности, пропагандистская деятельность осуществляется путем: публикации материалов в средствах массовой информации; проведения лекций, бесед, консультаций, инструктажей; организации и проведения встреч, брифингов, семинаров, конференций с работниками средств массовой информации, творческих союзов и объединений; выступлений на пресс-конференциях, административно-хозяйственных собраниях и собраниях трудовых коллективов; выступлений по радио, телевидению, местным радиоузлам; организации установки в общественных местах щитов наружной рекламы, витрин, стендов, фотогазет и тому подобного; оказания помощи республиканским органам государственного управления, местным исполнительным и распорядительным органам, иным организациям в обучении учащихся, студентов, работников мерам пожарной безопасности и т. д. Иными словами, пропаганда трактуется максимально широко, а агитационный компонент вкладывается практически в любые мероприятия по взаимодействию с внешней средой как посредством медиа, так и без такового.

В качестве аналитического и практического инструмента, позволяющего глубже понять и оптимизировать информационно-психологическое взаимодействие ОПЧС и населения (посредством медиасферы, образовательных инициатив и т. д.), научным коллективом под руководством доктора психологических наук профессора М.А. Кремня была разрабо-

тана модель упреждающего информационного взаимодействия в описанном треугольнике («ОПЧС – СМИ – население») [13]. Концептуальной основой модели стали классическое учение об ориентировочной активности, теория образа, а также инженерно-психологическая модель приема и переработки информации.

Важными переменными для построения модели выступили такие категории как «фактор опасности» (комбинация: поражающие факторы чрезвычайной ситуации, функциональное состояние дистресса и репрезентации угрозы), динамический образ чрезвычайной ситуации как результат психического отражения (как сочетание информационной модели («как есть» либо «как я вижу») и концептуальной модели происходящего («как должно быть» либо «как происходит на самом деле»). Ключевым параметром является соотношение информационной и концептуальной моделей (чем разрыв глубже, тем более дезадаптивно поведение и патологичны его последствия).

Базовым принципом, заложенным в модель, является принцип обратной связи. Отсутствие обратной связи делает поведение «слепым», детерминированным «изнутри», автоматически приводящим вследствие этого к ошибкам.

При положительной обратной связи происходит суммирование ее сигналов с сигналами прямой связи. В результате сигналы прямой связи усиливаются и вызывают более сильные сигналы обратной связи. Иными словами информационная модель подтверждается концептуальной. Положительная обратная связь выполняет задачу подкрепления избранного индивидом поведения (адаптивного или нет), сформированной репрезентации угрозы и т. п. В случае если модель применяется как инструмент оценки пропагандистской работы, положительная обратная связь также имеет подкрепляющую функцию.

Отрицательные обратные связи, как правило, стабилизируют системы, т. е. приводят их в более устойчивые состояния, тормозя спонтанную активность, но при этом понижают силу циркулирующих сигналов.

При информационном взаимодействии внутри треугольника «ОПЧС – СМИ – население» уполномоченные структуры МЧС могут применять модель двояко:

инореферентно, т. е. используя ее как диагностический и объяснительный инструмент применительно к обществу. В этом случае можно назвать параметры, пригодные для управления через СМИ (в боевой и небоевой обстановке): участие (по возможности – доминирующее) в смысловом наполнении репрезентаций угрозы (информирование, пропаганда, реклама, обучение) и формировании адекватной информационной модели (обучение, пропаганда). Залогом успеха в данном случае могла бы быть организация системы подкреплений (т. е. МЧС управляет теми параметрами, которые являются для населения сигналами обратной связи);

самореферентно – используя ее как инструмент для организации и корректировки воздействия на целевые группы. В данном случае уже реакции индивидов и групп на обучающее, пропагандистское, рекламное воздействие должно считываться как сигналы обратной связи. Управляемыми переменными в данном случае могут являться все инициативы уполномоченных служб.

Затруднения с контролем обратной связи провоцируют также падение возможностей управлять переменными, составляющими факторы опасности в разработанной модели (репрезентация угрозы, смысловое наполнение информационной модели и др.). Об этом свидетельствуют результаты психологической экспертизы наглядного материала, результаты опроса населения, низкий спрос на тематические разделы веб-ресурса и т. д. Более того, с нашей точки зрения, ряд стратегий психологического воздействия, применяемых уполномоченными структурами, уже исчерпали свой потенциал:

алармистские способы привлечения и удержания внимания на пропагандистском продукте («...быть беде», «...сторишь», «погибнешь») помещают любые рекомендации в негативный контекст, провоцируя реакции защиты (чаще – в континууме избегания). Стратегия «напугать, а потом научить» нейтрализуется выраженной гипотетичностью попадания индивида в чрезвычайную ситуацию;

предписывающая модальность многих агитационных материалов явно конфликтует с дискурсивными практиками их предъявления (восприятие пропагандистского контента как рекламы, не обязательной к «просмотру», либо обучения, трактуемого как «обязаловка» и т. д.). Нарастающая последние годы эффективность пожарного надзора контрастирует со сравнительно скромными (в сравнении с ожидаемыми) эффектами пропаганды.

По описанным причинам приведенные стратегии не обеспечивают подкрепления требуемой реакции и индивидов и социальных групп. В боевой обстановке стимулами, запускающими, как минимум, повышенный спрос на информацию (о чем свидетельствуют, например, результаты анализа интернет-активности), являются объективные (штурмовое предупреждение, информация о пожаре, сама наблюдаемая чрезвычайная ситуация) и «сопутствующие» факторы (появление на улицах боевых расчетов, сирены, прерывание теле-, радиопрограмм и т. п.). Однако применительно к небоевой обстановке, в дискурсе обучения и воспитания общества (пропаганда, агитация, реклама), вопрос «подкрепляющих» факторов остается, на наш взгляд, совершенно не разработанным. Этот факт делает крайне затруднительным любой корреляционный анализ эффективности деятельности ОПЧС в вопросах предупреждения и борьбы со стихийными бедствиями.

Позитивным результатом упомянутых подходов являются такие формы параллельного (т. е. типового, но инициированного индивидами независимо друг от друга) поведения индивидов и групп, которые соответствовали бы требованиям обеспечения безопасности. В зависимости от «стартового» уровня требуемых навыков многочисленные формы воздействия направлены либо на выработку и закрепление должных поведенческих практик, либо на их модификацию (уровни «обучения» и «переучивания» населения). Подобные воздействия осуществляются по целому ряду доступных каналов коммуникации: СМИ, обучение, акции, надзор и т. п.

Заключение. Инстанциями, осуществляющими коммуникацию в контексте проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях, являются уполномоченные службы МЧС, СМИ и различные категории населения. Можно обозначить контуры ключевой проблемы информационного взаимодействия. С позиции каждого из упомянутых участников, именно этот участник находится на вершине пирамиды коммуникаций. Соответственно, воздействие на иных участников построено, с его точки зрения, на субъект-объектном принципе. Определенный стимул от субъекта должен вызвать ожидаемый отклик объекта. Причем первому приписывается инициатива, второму – реакция на него (инициатива МЧС – отклик СМИ и/или населения). Несовпадения ожидаемой и реальной реакций объясняется либо некорректностью стимула, либо спецификой объекта. Однако следует учитывать, что все участники взаимодействия в ряде случаев одновременно помещают себя на вершину пирамиды коммуникаций, т. е. воспринимают себя как субъект. Это может приводить к постоянному несовпадению отклика другого участника от ожидаемого (ведь он воспринимается как более пассивный по своей сути объект) и нарушению адекватности взаимного восприятия всеми участниками взаимодействия.

Описанные обстоятельства делают актуальным дальнейшее изучение форм и методов взаимодействия ОПЧС со СМИ и населением через призму концепта «образ».

Изучаемая проблема раскрывается при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (№Г14-128).

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев, В.Е. Факторы, влияющие на формирование радиационной опасности в массовом сознании / В.Е. Андреев // Вопросы психологии экстремальных ситуаций. – 2013, № 4. – С. 30–34.
2. Баязитова, Е.Ф. Информационное взаимодействие муниципальных органов власти и СМИ / Е.Ф. Баязитова // Социальные коммуникации: профессиональные и повседневные практики. Сб. статей / Под ред. В.В. Козловского, А.М. Хохловой. Выпуск 4. – СПб.: Интерсоцис, Скифия-Принт, 2011. – С. 167 – 172.
3. Беляева-Экземплярская, С.Н. Определение личного темпа и ритма в повседневной жизни / С.Н. Беляева-Экземплярская // «Вопросы психологии». – 1961, № 2. – С. 37-39.
4. Бервенкова, О.В. Компенсаторные ресурсы средств массовой информации в чрезвычайных ситуациях. Автореф. дисс. канд. полит. наук / О.В. Бервенкова. – М., 2007. – 28 с.
5. Брайант, Д. Основы воздействия СМИ / Д. Брайант, С. Томпсон. – М.: Издательский дом «Вильямс», 2004. – 432 с.
6. Бугаева, М.Д. Интеллект как фактор подверженности психологическому влиянию. Автореф. дисс. канд. психол. наук / М.Д. Бугаева. – М., 2005. – 22 с.
7. Ван Дейк, Т. А. Анализ новостей как дискурса / Т.А. Ван Дейк // Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – С. 111–161.
8. Демина, М.А. Медиавоздействие и его составляющие: когнитивно-прагматический анализ / М.А. Демина // Научная электронная библиотека «Киберленинка» [Электронный ресурс]. – Ре-

- жим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/mediavozdeystvie-i-ego-sostavlyayuschie-kognitivno-pragmaticheskiy-analiz>. Дата доступа: 16.10.2015.
9. Дзялошинский, И.М. Западный опыт анализа проблем эффективности СМИ // Эффективная коммуникация: исследования и модели / И.М. Дзялошинский – 2004. – № 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.inguk.ru/forum/arhiv/2004-1/kommunik/2004-1/dz/opit.html>.
 10. Елисеева, И.Н. Психологические последствия аварии на Чернобыльской АЭС / И.Н. Елисеева, Ю.С. Шойгу, Т.А. Марченко // Сборник научных статей. Центр экстренной психологической помощи МЧС России. – М.: ЦЭПП, 2012. – С. 32–42.
 11. Искусство управления коммуникациями в кризисных ситуациях // UNICEF [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.unicef.org/ceecis/UNICEF_manual_communication_russian.pdf. – Дата доступа: 16.10.2015.
 12. Караяни, А.Г. Психологические уроки Фукусимы / А.Г. Караяни // Юридическая психология, 2001, № 3. – С. 37–46.
 13. Кремень, М.А. Психологические вопросы деятельности органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям в сфере массовых коммуникаций / М.А. Кремень и др. // Вестник Командно-инженерного института МЧС Республики Беларусь. – 2015, № 1. – С. 86–92.
 14. Мельницкая, Т.Б. Особенности переживания радиационного риска у разных возрастных групп населения, проживающего на радиоактивно загрязненной территории России и Беларуси, и их коррекция / Т.Б. Мельницкая, Т.В. Белых // Психиатрия, психотерапия и клиническая психология: международный научно-практический журнал. – 2012, № 3. – С. 74–84.
 15. Мильман, В.Э. О некоторых методах изучения индивидуально-психологических различий, влияющих на поведение в стрессовой ситуации / В.Э. Мильман. – Вопросы психологии, 1968, № 2. – С. 160–167.
 16. Психология экстремальных ситуаций / под общей ред. Ю.С. Шойгу. – М.: Смысл, 2007. – 320 с.

PSYCHOLOGICAL MESSURING OF INFORMATION AND EDUCATION ACTIVITY IN UNITS AND SUBUNITS FOR EMERGENCY SITUATIONS

Kremen Marks, Doctor of Psychology Sciences, Professor

Gerasimchik Aleksandr, Candidate of Psychology Sciences, Associate Professor

Bogdanovich Aleksey, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Sergeev Vsevolod, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Novitskiy Vitaliy

The state educational establishment the «Institute for Command Engineers»
of the Ministry of Emergency Situations of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus

Purpose. The article is devoted to the psychological aspects of the activities of the MES in the sphere of life safety education.

Methods. Announced problematic is considered basing on systemic approach, totality of general logical methods, methods of semantic and discourse-analysis, and psycholinguistic tools.

Findings. According to the systematisation of methodical base of interaction of units and subunits for emergency situations with mass media and the population the essential channels of such interaction have been determined as well as conceptual approaches to this interaction.

Research application field. The results of the research can be used: while working out and optimization of methods of informative and propaganda work in the sphere of national safety; while preparing fundamental, generalising and training works on psychological aspects of personal safety; while organising scientific research in the sphere of labour psychology, as well psychology of mass communication.

Conclusions. Tools for the analysis of social activity in the sphere of prevention and elimination of disasters have been developed, qualitative and quantitative characteristics of this activity have been determined.

Keywords: information and education activity, safety psychology, effects of information influence, safety provision of labor activities.

(The date of submitting: February 24, 2016)

REFERENCES

1. Andreev V.E. Faktory, vliyayushchie na formirovanie radiatsionnoy opasnosti v massovom so-znanii. *Voprosy psikhologii ekstremal'nykh situatsiy*. 2013, No. 4. Pp. 30–34. (rus)
2. Bayazitova E.F. Informatsionnoe vzaimodeystvie munitsipal'nykh organov vlasti i SMI. *Sotsial'nye kommunikatsii: professional'nye i povsednevnye praktiki. Sb.statey pod red. V.V. Kozlovskogo, A.M. Khokhlovoy*. Vol. 4. St. Petersburg : Intersotsis, Skifiya-Print. 2011. Pp. 167–172.
3. Belyaeva-Ekzemplyarskaya S.N. Opredelenie lichnogo tempa i ritma v povsednevnoy zhizni. *Voprosy psikhologii*. 1961, No. 2. Pp. 37-39. (rus)
4. Bervenkova O.V. *Kompensatornye resursy sredstv massovoy informatsii v chrezvychaynykh situatsiyakh*. Cand. political sci. diss. Synopsis. Moscow, 2007. 28 p. (rus)
5. Brayant D., Tompson S. *Osnovy vozdeystviya SMI*. Moscow : Publishing House «Vil'yams», 2004. 432 p. (rus)
6. Bugaeva M.D. *Intellekt kak faktor podverzhennosti psikhologicheskomu vliyaniyu*. Cand. psychol. sci. diss. Synopsis. Moscow, 2005. 22 p. (rus)
7. Van Deyk T.A. Analiz novostey kak diskursa. *Van Deyk T.A. Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya*. Moscow : Progress, 1989. Pp. 111–161. (rus)
8. Demina M.A. Mediavozdeystvie i ego sostavlyayushchie: kognitivno-pragmaticheskiy analiz. *Nauchnaya elektronnyaya biblioteka «Kiberleninka»*, available at <http://cyberleninka.ru/article/n/mediavozdeystvie-i-ego-sostavlyayushchie-kognitivno-pragmaticheskiy-analiz> (accessed: October 16, 2015). (rus)
9. Dzyaloshinskiy, I.M. Zapadnyy opyt analiza problem effektivnosti SMI. *Effektivnaya kommunikatsiya: issledovaniya i modeli*. 2004. No. 1, available at <http://www.inguk.ru/forum/arhiv/2004-1/kommunik/2004-1/dz/opit.html> (accessed: October 16, 2015). (rus)
10. Eliseeva I.N., Shoygu Yu.S., Marchenko T.A. Psikhologicheskie posledstviya avarii na Chernobyl'skoy AES. *Sbornik nauchnykh statey. Tsentr ekstremnoy psikhologicheskoy pomoshchi MChS Rossii*. Moscow : TsEPP, 2012. Pp. 32–42. (rus)

11. Iskusstvo upravleniya kommunikatsiyami v krizisnykh situatsiyakh. *UNICEF*, available at http://www.unicef.org/ceecis/UNICEF_manual_communication_russian.pdf (accessed: October 16, 2015). (rus)
12. Karayani, A.G. Psikhologicheskie uroki Fukusimy. *Yuridicheskaya psikhologiya*, 2001, № 3. Pp. 37–46. (rus)
13. Kremen', M.A. i dr. Psikhologicheskie voprosy deyatelnosti organov i podrazdeleniy po chrezvychaynym situatsiyam v sfere massovykh kommunikatsiy. *Vestnik Komandno-inzhenerenogo instituta MChS Respubliki Belarus'*. 2015, No. 1. Pp. 86–92. (rus)
14. Mel'nitskaya T.B., Belykh T.V. Osobennosti perezhivaniya radiatsionnogo riska u raznykh vozrastnykh grupp naseleniya, prozhivayushchego na radioaktivno zagryaznennoy territorii Rossii i Belarusi, i ikh korrektsiya. *Psikhiatriya, psikhoterapiya i klinicheskaya psikhologiya: mezhdunarodnyy nauchno-prakticheskiy zhurnal*. 2012, No. 3. Pp. 74–84. (rus)
15. Mil'man V.E. O nekotorykh metodakh izucheniya individual'no-psikhologicheskikh razlichiy, vliyayushchikh na povedenie v stressovoy situatsii. *Voprosy psikhologii*, 1968, No. 2. Pp. 160–167. (rus)
16. *Psikhologiya ekstremal'nykh situatsiy*. Pod obshchey red. Yu. S. Shoygu. Moscow : Smysl, 2007. – 320 p. (rus)